

Ксения Гурьева

СУНДУК ТЮМЕНСКОЙ СКАЗКИ

Ксения Гурьева

Сундук тюменской сказки

<https://litres.ru/74122103>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге оживают легенды и были сибирского края. «Сундук Тюменской сказки» — это удивительное путешествие сквозь века, где переплетаются суровая история освоения Сибири, волшебство древних преданий и теплый юмор современных городских историй.

Читателя ждут встречи с духами тайги и железными лосями, бесстрашными воеводами и хитрыми купцами, а также с тремя неразлучными друзьями из Тюмени, которые ищут клад там, где их быть не может. Вы узнаете, как тюменские мастера пытались поднять танк в небо, как сибирские коты спасали блокадный Ленинград и почему varezhka-perevertysh учит купцов добру.

Собранные здесь сказы — это не просто сказки. Это живые нити, связывающие прошлое и настоящее, людей и природу, веру и чудо. Они напоминают о том, что самое главное сокровище всегда находится рядом: в дружбе, в памяти предков и в любви к родной земле.

Для широкого круга читателей - от любителей истории и мифов до тех, кто хочет подарить детям увлекательную книгу о Сибири.

Содержание

Стальная стрела и плачущее болото	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ксения Гурьева

Сундук тюменской сказки

Стальная стрела и плачущее болото

В далёкой югорской земле, где меж сосен прячутся болота, а ветер шепчет на языке предков, жил старый охотник Явтысь. Всю жизнь он ходил по одним тропам, где лось оставляет след, а глухарь токует на заре.

Но однажды пришли чужие люди. Они не кланялись духам Большой Земли — Вонт-Ики. Они мерили землю цепями, стучали молотками и говорили: «Будет здесь железная дорога. Пойдут по тайге вагоны быстрее, чем летит стрела».

Старейшины зашумели: нельзя тревожить священные места. Там, где спит Медвежья гора, — нельзя копать. Где под корнями лиственницы хранится душа рода, — нельзя класть шпалы.

Но чужие не слушали. И тогда Явтысь пошёл к шаману. Шаман долго смотрел на дым костра и сказал:

— Попроси духа Железа — Корт-Ики. Он силен, но не знает наших законов.

Собрал Явтысь дары: рыбу чешую, бруснику и кусок старого ножа. Положил их у большого валуна, куда чужие собирались вести насыпь. Ночью пришёл Корт-Ики — весь из ржавчины и искр, с глазами-угольями.

— Зачем звал, охотник?

— Не руби наши жилы, — сказал Явтысь. — Дай договор: твоя стальная лента пройдёт там, где нет капищ и медвежьих троп. И тогда люди тебя примут.

Дух усмехнулся, ударил копытом — и на том месте вырос столб земли. А утром геологи увидели, что их приборы сошли с ума: стрелки дрожали над болотом, которое ханты называли Плачущим. А ровная гряда, где они хотели строить, вдруг дала трещину, и оттуда хлынула ледяная вода.

Старый Явтысь пришёл к прорабу, положил на карту ветку рябины:

— Веди дорогу в обход. Здесь, — ткнул пальцем на пустое место, — и здесь. Там земля не заплачет.

Семь дней спорили. На восьмой — начали копать там, где указал охотник. И чудо: земля под ковшом была твёрдая, как камень, а рядом с насыпью ханты спокойно ставили чумы. Говорят, что в полночь на насыпь выходит железный лось с рельсами вместо рогов. Он проверяет, не свернула ли дорога

на святые места.

А железную дорогу построили. Поезда бегут быстро, но машинисты знают: перед старым кедром — сбавь скорость. Там живёт дух тайги. И если гудок звучит негромко, он пропускает стальную стрелу вперёд — к новым территориям, где зверь и человек, железо и трава наконец поняли друг друга.

Сказ о том, как народы злую Метелицу да Мороза одолели

Жили-были на земле русской народы разные: и русские, и чукчи, и удмурты, и татары, и многие другие. Но пришла однажды лютая зима. Да не простая, а заколдованная.

Явилась из-за Урала Метелица Михална — злая старуха, в лохмотьях из колючего снега. А с ней приплёлся дед Мороз Иванович, который от холода сам озлобился. Задумали они людей со свету сжить.

Начали с русского села. Метелица как закружит, все дороги замела. Мороз как треснет — избы по щелям ледяным потом залило. Русские мужики вышли, валенки сваяли из овечьей шерсти — теплые, высокие. Вроде тепло ногам. А Мороз пуще злится: за уши хватает, за нос щиплет. «Эх, — говорит кузнец, — валенки добры, да супротив морозного духа не устоять. Холодно нам поодиночке».

Двинулась Метелица на север. Там чукчи-оленоводы в ярангах жили. Накинула она пургу такую, что за порогом руки не видать. Чукчи достали свои лучшие кухлянки — шу-

бы из оленьего меха, двойные, до самой земли. Укрылись — вроде теплее. Но Мороз Иванович воздух выморозил так, что дышать нечем, шуба-то мехом внутрь греет, а лицо леденцом схватывает. «Плохо, — говорят чукчи, — хорошая шуба, но если дыханье замерзает — не спасет».

Увидала Метелица, что устояли люди, пуще взбесилась. Кинулась на удмуртов. Наслала ветра ледяные, что избы с углов рвут. А удмурты — народ банный. Собрались всей деревней, натаскали дров каленых, накалили камни в старой бане. Топят печку — жар поднимается. И как хлыстнут вениками березовыми, как плеснут ковшом на камни — пар горячий облаком встал! Схватился пар с Метелицей, и она попятилась. Потому что зима холода боится, а пара в бане не любит — от нее все морозные чары тают.

Только Мороз Иванович не отступает. Видит, жарко ему, и давай баню льдом сковывать. Ни с места: ни веником не махнуть, ни дверь открыть.

Тут самые мудрые — татары — сказали: «Братья! Баня — дело святое, но одного тепла мало. Надо, чтобы внутри у каждого огонь зажегся». Развели татары богатый самовар (в металл отцовский, чеканный), бросили туда трав душистых: чабрецу, мяты, смородинового листа. И принялись поить всех горячим чаем: русских — с блинами, чукчей — с оленьим жиром, удмуртов — с перепечами. И случилось чудо!

Как отхлебнул каждый по глотку — внутри будто солныш-

ко зажглось. Русским чай напомнил о бабушкиной печи, чукчам — о весеннем солнце над тундрой, удмуртам — о первом теплом дожде, татарам — о пляске у костра на Сабантуе. Тепло от сердца пошло по рукам и ногам. Но этого всё равно мало. Морозище-то древний, лютый.

Тут сказал главный табунщик башкирский: «Э, народ! Разве можно дружбу вчетвером сложить?» Позвал он якутов-коневодов. Те пригнали лошадок мохнатых, якутских — они мороза не боятся, в -50 спят в снегу. Накрыли якуты людей своими дохами — лошадь и всадник вместе греются.

Позвали марийцев — те заплели из лыка лапти особые, чтобы по льду не скользить. Калмыки принесли войлок — им юрты укутали. Буряты дунули в свои раковины священные, и звук этот все колючие льдинки Метелицы разбил в пыль.

А потом вышел вперед маленький чувашский мальчик. У него в руках были не хитрость, не валенок, не шуба. А горсть ржаного зерна, сбереженная с осени. Он вышел на крыльцо и сказал громко, на всю морозную мглу:

— Мороз Иванович! Метелица Михална! А мы не боимся. Потому что у нас валенки русские ноги греют, чукотские шубы — спину, удмуртский пар — дыхание, татарский чай — сердце, а башкирский конь нас всех к весне домчит. И пока мы вместе — никакой холод не страшен. И кинул мальчик ту горсть зерна прямо в сугроб.

Что тут началось! Мороз высунулся из тучи, глянул — а

зерно-то живое! Для него никакой мороз не указ. Треснул Мороз Иванович от злости пополам — да и рассыпался градом мелким. А Метелица, видя, что люди стеной стоят — плечо к плечу, — завизжала, закрутилась в последний раз и улетела за Ледовитый океан, где и сама замерзла от собственной злости.

Наступила оттепель.

Вышли все народы из домов, обнялись. Русский подает чукче лишний валенок, татарин угощает удмурта калфой с пиалой чая. Смеются.

Вот так, поодиночке — мерзни. А вместе — любая стужа нипочем. И весну можно кликать всем миром. Сказка — ложь, да в ней намек: народам нашим — вековой урок.

Варежка перевёртыш

Жил-был в Тюмени купец, по прозвищу Терентий Торопыга. Удачлив был купец, всё-то у него в руках спорилось, да только сильно прытким был — для него, бывало, столбовая дорога, что шла через Тобольск, точно кость в горле стояла. Смотрел он на карту Сибири, на петляющий старый тракт и только вздыхал:

— Эх, кабы махнуть не на Тобольск, а напрямую — все чай, кожи и сало сибирские ко мне в лавки плыли бы!

И стал он с другими купцами сговариваться: «Давайте-ка, други, мошну развяжем да дорогу на восток повернём — пусть отныне главный путь будет через Тюмень, а не через Тобольск».

Как слово молвил, так и сделал. Отсчитали купцы гору золота, путь-дорогу и переиначили — так и проползла новая торговая жила мимо древнего Тобольского кремля.

Молвил тогда старый купец (был у Терентия отец, уже на покой отошедший), подал он сыну вязаную варежку, всю узорами исхитрённую:

— На, выручайся, как знаешь. А только запомни: наденешь её локоть к большому пальцу (на леву руку вопреки обычаю) — и любое твоё слово сначала к тебе самому воротится. Так тебе и будет, как другим.

Посмеялся Терентий над отцом: «Фу, выдумал невесть что!» Да лёг спать. А наутро, не умывшись, и впрямь по недо-смотру натянул рукавицу на изнанку — на ту самую левую руку. Пошёл к новому тракту хвастать:

— Ах, какая ладная дорога! Ай да мы, тюменские купцы! Ах, как мы старцам тобольским нос утёрли!

Только вымолвил — и замер. Вмиг услышал он свой собственный голос, но так, словно это не он хвастал, а кто-то злой и чужой насмехался над ним. И стало Терентию до того совестно, что он побежал прочь.

Захотелось купцу прикрикнуть на ямщика — плетью взмахнул, да только сам вздрогнул, будто его ударили. Попробовал слукавить перед приказчиком: «Бери, мол, подешевле» — и сам же почуял: будто кто-то его самого обворовывает. Так и ходил, маясь, пока не понял: варежка правду говорит — каждое слово возвращается обратно.

Понял тогда Терентий: не во лжи его сила, не в хвастовстве. Снял рукавицу, перекрестился и пошёл к тобольским купцам первым мириться. А с собой в обоз положил не товар, а семь кадушек с мёдом — для трактиров вдоль всей новой дороги. «Пусть, — говорит, — всякий путник бесплатно чай пьёт, с моей, тюменской, торговли!»

И тут варежка сама у него с левой руки перевернулась — да на правую волшебством и наделась. С той поры прозвали купца не Торопыгой, а Теплотой — за то, что слово у него и привет всегда добрым было.

А ты хочешь узнать, куда та варежка делась? Старики говорят: валяется она на старом Тобольском тракте, близ села Созоново, где казённая переправа через Туру была. Коли найдёшь — на левую руку не надевай без нужды. Иначе сам свою грубость первым и почувствуешь!

Сказ о том, как тюменский мастер крылатому чуду быть повелел

В ту пору, когда Змей Гитлер три года землю русскую жёг, встала перед народом могучая нужда: как перебросить огневой щит (танк) через рвы глубокие, мины лютые да реки огненные? Умом раскинули — не перепрыгнешь. Думали, гадали — не перелетишь.

Говорит тогда мудрый царь-государь (верховный главнокомандующий):

— Ищите такого умельца, чтоб железо на крылья поднял!

И нашелся тот человек не в стольном граде Москве, не во славном Ленинграде, а в Сибири заповедной — в Тюмени-матушке.

В ту пору Тюмень была не простым городом, а волшебной кузницей. Где раньше пиво варили — там нынче броню ковали. Где стояли весы базарные — там чертили крылья ди-ковинные.

Поселился в городе том Олег — свет Антонович. Был он не просто конструктор, а настоящий чародей техники. Глаз у него был рентгеновский: взглянет на железку — сразу знает, выдержит ли полет или рассыплется прахом.

А помощниками его были не просто рабочие, а лесные духи в человечьем обличье. Девчата с косами — те самые, что поутру в школе учились, а к вечеру крылья клеили из берёзы да полотна. Называли их в цеху "белошвейки для чуда".

Долго ли, коротко ли, а смастерили диво-юдо: лёгкий танк Т-60, башню с него долой — воронам на смех, а вместо башни — крылья! Размах — как у Буревестника, вес — как у тучи дождевой.

Назвали ту машину КТ-60, что значило "Крылья Танка — шестьдесят пудов надежды".

И когда склепали последнюю заклёпку, сам Мороз-воевода Тюменский (а в ту зиму стояли морозы под 40 градусов) дунул на крылья, чтобы лёд скрепил дерево, а Огонь-кузнец (дядя Вася из шестого цеха) обжёг полотно особым заговором:

— Лети, железяка, не бойся высоты! Врагу — ожога, нам — Победы!

Повезли чудо-машину под Москву, на испытательный луг. Там ждал её богатырь небесный — пилот Сергей Анохин. В народе его прозвали "Человек, который ничего не боится". И правда: он и на огненном самолёте летал, и на ядерном грибе катался, а тут — на танке с крыльями.

Прицепили танк-планер к трем богатырям — бомбардировщикам ТБ-3. Те загудели, как три медведя в берлоге:

Ту-ту-ту! Ту-ту-ту!

И в тишину поднялось железное чудище. Лес внизу побегал, речки в иголки свернулись. А на высоте 40 метров случилось волшебство: дальше подниматься не может. Словно невидимая рука сверху прижала. Кончилась сила богатырская у буксиров.

Тогда Анохин прошептал заветные слова (те самые, что тюменские девчата на крыльях вышили):

— Кто на земле родился — тот в небе гость. Но если Родина велит — полетишь и железным!

Отстрелил трос. И началось...

Летит танк, а мотора у него нет. Тишина стоит такая, что слышно, как внизу мыши в амбарах перешёптываются.

На аэродроме Быково зенитчики картошку чистили. Вдруг самый молодой боец глянул в небо и обмер:

— Батяньки! Танк... Танк летит! И шлем на нём! И звёзды красные на бортах!

Командир роты, дядька бывалый, в Испании воевавший, сказал:

— А ну, не бздеть! Это, верно, тюменские умельцы прислали подкрепление. У них там и пиво, говорят, волшебное варили, и танки летучие клепали.

Танк между тем плавно, как ласточка на водопой, пошёл на посадку. Коснулся земли — сразу мотор рявкнул, крылья сложил и поехал по лётному полю, как по своей улице.

Обступили солдаты машину. Глядят — из люка вылезает Анохин, улыбается во весь рот.

— Ну что? — спрашивают. — Взлетит?

— Взлетит, — говорит. — Но не сейчас. Слабые буксировщики попались. Не богатыри, а так — кузнечики. Вырастите новых — прилетим снова.

Проект закрыли. Крылатого танка так и не пустили в бой. Но говорили потом старые люди, что в самую страшную минуту войны — под Сталинградом и Курском — видели в небе тень. Тень железного чуда, которое, может, и не взлетело, но уже одним своим существованием врага напугало до полусмерти.

В Тюмени до сих пор помнят тот эксперимент. Говорят, по ночам, когда ветер гудит в трубах бывшего завода, слышен тихий шёпот:

— Крылья — на броню. Родину — на щит. А невозможное — на крыло!

И верят, что если случится новая беда, поднимутся над

Сибирью новые крылатые танки. Потому что русское чудо не кончается — оно просто ждёт своего часа.

А тому, кто дочитал сказку до конца, и не верит, и верит — на здоровье и на удачу. Ибо сказано в народе: «Быль за сказкой не гоняется, а рядышком с ней садится».

Сказ о подземной нити, что связала две обители

В сибирской стороне, на высоком берегу Туры-реки, там, где ветер гоняет тучи над куполами золотыми, стоят две обители чудные — Троицкий мужской монастырь да Ильинский женский. Стоят друг против друга через глубокий овраг, и все думают, что между ними только воздух да снега зимние.

Ан нет!

Ибо есть под землёю путь тайный — живая нить, что два сердца святые воедино соединяет. И хранители у того пути — полулюди-полудухи, что помнят времена, когда Сибирь ещё звериными тропами ходила.

В Троицкой обители, в келье дальней, где иконы древнее самого монастыря, живёт инок Серафим. На вид — обычный монах: борода седая, глаза выцветшие, руки в мозолях от земных поклонов. Но старые послушники шепчутся, что деду Серафиму не сто лет и не двести, а все пятьсот. И что мать его была не простой женщиной, а берегиней лесной — из тех, кто корни знает и камни заклинять умеет.

Потому и чует Серафим землю насквозь. Где под ногами пустота — слышит. Где вода подземная бежит — видит

сквозь пласт глины. А ещё умеет он... проходить сквозь стены. Но делает это редко, ибо по уставу не положено.

А напротив, в Ильинской обители, в келье, что на самой границе оврага, живёт старица Манефа. Её отец был из рода сибирских чудотворцев — тех, кто мог обернуться ветром и долететь до Тобольска за один вздох. Манефа не летает, нет. У неё дар иной: она слышит голоса под землёй. Не червей дождевых, не корней древесных — а голоса камней, что помнят всё: и молитвы, и стоны, и будущее.

И есть у Манефы кот. Чёрный, как сажа, с глазами жёлтыми, как две луны. Зовут его Тихон. Но не простой это кот — полудух подпечный, хранитель порогов. Где он пройдёт — там дорога открывается. Где ляжет спать — там никакая сила не пролезет.

В канун Рождества Пресвятой Богородицы Манефа сидела в своей келье, перебирала сухие травы (тоже не простые — одни сон наводили, другие — правду выманивали). Кот Тихон лежал на печи, грел живот и жмурился.

Вдруг старица вздрогнула.

— Слышишь, Тихон? — спросила она шёпотом.

Кот приоткрыл один глаз, зевнул и сказал человеческим голосом (ибо полудухи на то и полудухи, чтобы говорить, когда захотят):

— Слышу. Инок Серафим зовёт.

И правда — в голове у Манефы зазвучал голос, глухой, как из-под земли:

— Матушка Манефа... Тяжело мне. Под Троицким собором дышит кто-то. Не наш. Чужой. Зверь или дух — не пойму. А уходить некуда — там мощи святителя Филофея, их нельзя бросать.

Манефа перекрестилась:

— Держись, отче. Я клич кликну. Тихон, иди-ка, разузнай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.